

*Даше, Дуне и Ане,
а также – Венсану и Маше*

Дуня ходко шла по деревянной мостовой
шла из церкви, повязавшись чёрным
шалевым платком
Утром вынула просфору –
О здравии раба Божия Викентия
Сёстры замужем давно
Дуня одна отца покоит
Она уже немолода
в годах она
Она не вышла замуж и зовут черничкой
Слова нет о ней дурного худого
А нынче праздник нецерковный
Письмо бежит в какие-то вышестоящие
большие эмпиреи
от местного чиновника
любителя серьёзных изысканий
по краеведению
Подумайте, какого человека
вдруг обнаружил местный краевед
диковинку какую –
Былой солдат Наполеона
нынче ста двадцати шести лет от роду
вероисповедания добровольно православного
старик почтенный
с красивой белой бородой
окладистой серебряной
в домашнем сюртуке сидит он перед самоваром
опираясь обеими ладонями на крепкий
набалдашник трости деревянной
Он здесь живёт на волжских берегах
в старинном русском городе он обитает
Он пенсию от государя получает
как подданный заслуженный российский
Он Бонапарта видывал
И разных маршалов французских
вот как себя мы видим в зеркалах
Он подвиги свершал в сраженьях разных
Пожар Москвы при нём происходил
Он казнь Людовика видал дитятей
Он сам об этом рассказал подробно
По вечерам тихонько книги он читает
при свете ярком лампы керосиновой
а видит хорошо он без очков
Дочь Евдокия носит книги для него
из библиотеки домашней директора гимназии
внука вольнодумного вельможи

высланного сюда в глушь Екатериной Великой
Директор приохотил к чтению нашего француза
Викентия Петровича
Особенно француз предпочитает
Прево и Мариво –
Manon Lescaut
La Vie de Marianne
и Le Paysan parvenu...
Сидит старик почтенный опершись
ладонями на набалдашник трости
Задумался
и в памяти летают
воспоминания
Деревня смутная мерцает
затем приютский сирота
затем уже и мальчик на побегушках
в парижской мастерской живописца-самоучки
всегда немножко пьяного
малюющего вывески большие
И вот уже мальчишка-барабанщик в армии Наполеона
И кругом говорят непонятно
А потом он поймёт, какие слова говорили тогда
– Пленных не брать! – командует мужской голос
И звонкий голос почти твоего сверстника
откликается о тебе:
– Нам-то отлично, а ему каково!
*Куда его дели? Покормили ли его? Не обидели ли?
А можно позвать этого мальчика, что взяли в плен?
дать ему чего-нибудь поесть... может...*
– Да, жалкий мальчишка, – отвечает
мужской голос, –
*Позвать его сюда. Vincent Bosse его зовут.
Позвать.*
– Я позову, – сказал Петя.
– Позови, позови. Жалкий мальчишка, –
повторил Денисов.
*Петя стоял у двери, когда Денисов сказал
это. Петя пролез между офицерами и близко
подошёл к Денисову.*
– Позвольте вас поцеловать, голубчик, –
сказал он. – Ах, как отлично! как хорошо! –
И, поцеловав Денисова, он побежал на двор.
– Bosse! Vincent! – прокричал Петя,
остановясь у двери.
– Вам кого, сударь, надо? – сказал голос из
темноты. Петя отвечал, что того
мальчика-француза, которого взяли нынче.
– А! Весеннего? – сказал казак.
*Имя его Vincent уже переделали казаки – в
Весеннего, а мужики и солдаты –*

в Висеню. В обеих переделках это
напоминание о весне сходилось с
представлением
о молоденьком мальчике.
– Он там у костра грелся. Эй, Висеня!
Висеня! Весенний! – слышались в темноте
передающиеся голоса и смех.
– А мальчонок шустрый, – сказал гусар,
стоявший подле Пети – Мы его покормили
давеча. Страсть голодный был!
В темноте слышались шаги и, шлёпая
босыми ногами по грязи, барабаничик
подошёл к двери.
– Ah, c'est vous! – сказал Петя. – Voulez-vous
manger? N'ayez pas peur, on ne
vous fera pas de mal, – прибавил он, робко и
ласково дотрагиваясь до его руки, –
Entrez, entrez. – Ах, это вы! Хотите есть? Не
бойтесь, вам ничего не сделают. Войдите,
Войдите...
Merci, monsieur, – отвечал барабаничик
дрожащим, почти детским голосом
и стал обтирать о порог свои грязные ноги.
Пете многое хотелось сказать барабаничику,
но он не смел. Он, переминаясь, стоял подле
него в сенях. Потом
в темноте взял его за руку и пожал её.
– Entrez, entrez, – повторил он только
нежным шёпотом...
И потом тебе дают водки и баранины, и
одевают в русский кафтан...
Исчезло прошлое, оно ушло, а ты остался
И столько-то прошло однажды лет
Масленица скоро
В мастерской своей богомаз Викентий
Петрович образ пишет
Жена Татьяна Егоровна краску трёт
Потом она в горницу идёт, к столу садится
считает маленькие деньги
круглые и плоские монеты
и сама с собою говорит тихонько:
... всё стало дорогим-дорогохонько, ни к
чему нет приступу... На базар придёшь
раным-ранешенько, хочешь подешевле кой-
чего купить на Масленицу... солёный судак
четыре да пять копеек, топлёное масло
четырнацать, грешнева мука полтинник.
Икорки бы надо к блинкам – купила бы
хорошенькой, да купил-то нет... Опять же
дрова как вздорожали! Хоть мёрзни с
холоду, хоть помирай с голоду...
А в горнице чисто
Герань в горшке благоухает пряно
Кисейные занавески на окнах
Часы кричат кукушкою
Большие образа и лампадка
под низким белым потолком
И тянется на полу крашеном
суровая домотканая дорожка

На дорожке Дунюшка играет тихо
из чурбачков избушку строит
серьезная девчурка
губки сжала, в ниточку свела
волосенки белёдые в тонкую коску
сама нынче заплела
глянет со вниманием
то на икону преподобно-мученицы Евдокии
то на сестёр старших –
Анюта и Дашутка поодаль на лавке
куклу шьют для неё
У куклы этой косы толстые из чёсаного льна
перевиты лентами
сарафан из лоскутков ситцевых пёстрых
да тятиными красками чёрные глаза и брови
наведены
и ярко-красный рот
Отец в горницу входит
Тонкая детская ладошка радостно в крупных
пальцах отца
И ещё столько-то лет прошло
Стариком сделался с белой бородой
Давно умерла жена-хозяйка
Разлетелись из дома старшие дочери
Одна Дунюшка при нём осталась
И вот сегодня
назначен праздник с фейерверком и парадом
солдат в костюмах русских и французских гренадёров
в его честь
в честь последнего,
стадвадцатишестилетнего ветерана
Забыты распри давние,
все благородно празднуют
посол французский пожимает руку
богомазу старому
День завершился разноцветьем фейерверка
в тёмном небе
Спит утомлённый праздником старик
на пуховом диване
а Дунюшка, локтями опершись
на чистую столешницу,
читает сочиненья госпожи Гийон в оригинале,
научена французскому отцом
шепча слова прилежно
Vie de Madame Guyon Ecrite Par Elle-Même
Жизнеописание госпожи Гийон,
ею самой написанное
Читает Дуня том второй
На ярмарке купила у старинщика-торговца
Иконы продавал, подержанные книги,
серебряную посуду...
Сегодня в город съехались корреспонденты всех газет
На скромный дом табличку прикрепили
Здесь ветеран живёт минувших войн
давно прошедших войн
истории осколок уцелевший, живой здесь живёт
И только Дуня знает, но не скажет никому

а только знает,
что отцу не сто двадцать шесть лет,
а всего лишь девяносто девять
и свои воспоминания о встречах и боях
он сочинил по большей части
Ну и что!
Сон уводит старика в детство самое далёкое
взаправдашнее
Сколько лет я сам не помню
Почему все умерли?
Мать сидит на земле
ноги босые вытянула под юбкой белой
руки загорелые на белую юбку упали
усталые
А за околицей плетень
clôture et clôture
la fenaison
Неуклюже наклонился мой отец –
стоптанные башмаки
Мальчишки деревенские кричат:

«Ноэль! Ноэль!» –
Рождество зовут
А Дуня-Дунюшка молчит
За околицей плетень
И не сказала ничего
Не открылась никому
Не сказалась никому
Тяньке такая радость!
Пусть!
А если где неправда,
грех на мне
Дуня вяжет чулок
И во сне старик услышал стройный хор музыки,
игравшей какой-то неизвестный,
торжественно сладкий гимн.
И напев разрастался...
Ах да, ведь это я во сне...
И он услышал во сне звонкий юношеский голос:
– Не бойтесь, вам ничего не сделают.
Войдите, войдите...

---

² В Саратове проживал некий Николая Савен, действительно пленный наполеоновский солдат, измысливший себе биографию более значительную, чем она являлась в сугубой реальности.
Жанна Гийон – католический мистик семнадцатого века, проповедовала мистическое единение с Богом. Её сочинения были переведены на русский язык в восемнадцатом веке и, по свидетельству Мельникова-Печерского, пользовались популярностью у старообрядцев.